

Л ИТЕРАТУРНЫЙ Д АГЕСТАН

Гамзат Цадаса

МУДРОСТЬ

Гамзат Цадаса

Мудрость

Серия «Литературный Дагестан»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682482

Мудрость: стихи Цадаса Гамза, Вступ. ст. Н. Капиевой.: Эпоха;

Махачкала; 2007

ISBN 978-5-98390-020-2

Аннотация

Книга стихов Гамзата Цадасы (1877-1951), народного поэта Дагестана, талантливого мастера сатиры и юмора, баснописца и драматурга, автора эпических поэм, лирических стихов, сказок для детей. Первые публикации поэта относятся к 20-м годам прошлого столетия. В 1934 году вышла в свет первая книга сатирических стихов "Метла адатов". В годы Великой Отечественной войны были опубликованы книги "К мести!", "За победу!". В последующие годы кроме отдельных сборников были изданы собрания сочинений в 2-х, 3-х и 4-х томах. В переводе на русский язык в Москве, Ленинграде, Махачкале вышли сборники избранных произведений поэта. Г.Цадаса известен как поэт-переводчик. В его переводах вошли в дом аварского читателя избранные стихи А.С.Пушкина, его поэма "Руслан и Людмила".

Содержание

Неутомимый пахарь	4
Стихотворения	15
Муталимская песня	15
Стихи о харчевне	17
Дибир и хомяк	22
Аулы, жаждущие воды	27
Радиомачта на сакле соседа	30
Речь старухи в день 8 марта	33
Жалоба коров на пастуха Исмаила	38
О кинжале	43
Старая свадьба	47
Обычаи гидатлинцев	54
Протокол	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гамзат Цадаса

Мудрость

Неутомимый пахарь

*Поседельй, как сказанье,
И, как песня, молодой.*

Н. Тихонов

Эпиграфом к рассказу о Цадасе можно было бы взять и другие слова Николая Тихонова – не стихи, а прозу: «Это был самый острый ум современной Аварии, поэт, убивавший словом врагов нового, мудрец, искушенный во всех тонкостях народного быта, беспощадный ко всему ложному, смелый борец с невежеством, глупостью, корыстью...»¹. Я не знаю характеристики более емкой и точной. Тихонов познакомился с Гамзатом в 1933 году в Хунзахе близ Цада. Имя поэта было уже тогда знаменито на его родине. Но ни одно его стихотворение еще не было переведено на русский язык. Первые переводы его стихов: «Радиомачта на сакле соседа», «Наставление» и «Кинжал» – увидели свет годом позже в

¹ Тихонов Н. Двойная радуга. – М.: Изд-во «Советский писатель», 1964. – С. 305–306.

«Дагестанской антологии».

Цадаса означает «цадинский». По-русски – «огненный». Ныне название маленького аварского аула Цада известно едва ли не каждому любителю поэзии. Цада воспет во многих стихах Расула Гамзатова. Небольшое это селенье дало большой советской отчизне двух замечательных поэтов. И первым из них был отец Расула, народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса. Здесь и сейчас стоит каменная сакля, построенная руками Гамзата и его жены Хандулай. Она прилепилась к лобастому взгорью и окружена гладкими глыбами валунов, бог весть когда упавших оттуда, сверху. Теперь в ней мемориальный музей Цадасы.

2007 год – год 130-летия со дня рождения Гамзата. Далеко за туманными перевалами времени лежит его юность, та, почти уже легендарная пора, когда он, четырнадцатилетний аульный мальчик, написал первые свои сатирические стихи... Но так ярка, так крупна его личность, что – удивительно – чем дальше уходят годы, тем все больше и больше находят в горах живых значительных сведений о его детстве, юности, начале творческой деятельности. Не совсем верно присловье: «память забывчива». Людская память отзывчива на доброе... Она сохранила ранние, не знавшие печатного станка стихи Цадасы и дала возможность их воскресить. Она вызвала к жизни многочисленные воспоминания современников, редкий образец единодушия в оценке личности поэта, его места в общественной жизни народа.

При жизни, познав успех и славу, Цадаса скупое оделял своих биографов сведениями о себе. Стремление быть таким, как все, едва ли не самая заметная черта его облика. Впрочем, стремление – не то слово. Тут сама человеческая суть... Время сторицей воздало Гамзату Цадасе за эту скромность.

Цадаса прожил 74 года, умер в 1951-м. Но у всего, что он начинал, что делал, счастливое продолжение. Он заложил основы современного аварского литературного языка. Первым в Аварии заговорил с народом через газету агитационным стихом, продиктованным революцией. Его сатира и сегодня в строю. Ему обязана зарождением национального репертуара аварская драматургия.

А началось с озорных стихов неунывающего муталима, ученика мечетской школы. Гамзат рано осиротел. Опекун отдал его в науку, и обучение это длилось ни много ни мало двадцать лет. Два десятилетия скитаний из аула в аул, от наставника к наставнику в поисках науки истинной, не затемненной чадом фанатизма.

Однако двадцатилетний курс наук дал Гамзату совершенное знание арабского языка, с помощью которого ему раскрылись философия, история, юриспруденция, географическое познание мира. Труды восточных литературоведов познакомили его с крупнейшими именами и явлениями европейской литературы: Вольтером, Гете, Гюго. Что же касается классической поэзии Востока – она на всю жизнь одарила

его многими сокровищами.

Долгий искус учения был для Цадасы суровой школой бесценного познания жизни. Народной жизни. Муталим, неимущее дитя аула... В урожайный год сыт горсткой муки, полученной от сердобольной крестьянки. В неурожайный – голоден, как всякий бедняк. Все беды и радости крестьянства были переплетены с долей мечетского сироты-школяра.

Волей судеб Гамзат несколько лет был муллою, диббиром. Потом от духовного звания добровольно отказался. Об этом поэт обстоятельно рассказывает в поэме «Моя жизнь», словно оправдываясь перед кем... Уж больно долго допекали его злопыхатели и «ортодоксы» от литературы этим «мультизмом». Но главным в его судьбе всегда оставалась песня. Песня, говоря словами его земляка и друга, Сулеймана Стальского, горячая, как обжигающая рот пища.

... Правдивое стихотворное слово издавна ценилось в Аварии высоко. Здесь любили и почитали поэтов. Хотя в то же время званию стихотворца сопутствовало что-то вроде иронического пренебрежения: «Не солидное, мол, занятие!» В Аварии редкостью была тогда печатная книга на родном языке. Но уже сложилась, имела богатую историческую почву литература письменная. Стихи писались, а не только пелись.

Профессор А. Жирков рассказывал о «картине деятельной литературной жизни», увиденной им в Аварии в 1923 году: «Песни появляются, можно сказать, почти еженедель-

но. Песни не анонимные, относящиеся не к коллективному творчеству, но имеющие определенного автора, всем известного, откликающегося зачастую на злобу дня... песню эту можно не только петь, можно ее и читать. Ее на самом деле читают, обсуждают, критикуют, а если признают за великое произведение искусства, то и комментируют. Словом, мы наблюдаем полную и развитую аналогию с тем, что мы видим в нашей европейской литературной жизни»².

В эту деятельную литературную жизнь Цадаса внес новую ноту. Придал, как он говорил, «древней аварской пандуре третью струну». До него в аварской поэзии преобладала любовная лирика. «Третьей струной» стало реалистическое изображение повседневной жизни, обличительный пафос стихов.

...В 20-е годы складывается знаменитая книга Цадасы «Метла адатов» (1934). Народное начало определило содержание и форму его сатиры, восходящей к истокам фольклорного юмора, к традиционным аварским жанрам посланий, монологов, «споров», обращений. Своим стихом поэт боролся против заплесневелых обычаев-адатов: кровной мести, униженности женщины, невежества. Он говорил: «Я применил жанр сатиры к воспеванию новой, советской жизни». Порицая и клеймя дурное наследие прошлого, он воспитывал человеческие души для перемен, рождаемых революцией.

² Жирков А. Старая и новая аварская песня. – Махачкала, 1927. – С. 6.

Мне впервые пришлось встретить Цадасу в год выхода «Метлы адатов», когда он из Цада приехал в Махачкалу на Первый съезд писателей Дагестана. Каким он запомнился? Лицо его, крупной лепки, прокаленное горным солнцем, не было красиво. Но оно было необычайно привлекательно выражением сосредоточенной мысли, доброты, спокойной силы. При коренастой, плотной фигуре – легкая, неслышная поступь. Одет Цадаса был, как обычно одеваются почтенные горцы: в папахе, суконная рубаха до колен перетянута по талии ремешком с серебряными украшениями (костюму этому Гамзат не изменил до конца жизни).

В его немногословии, сдержанности жестов, манере внимательно слушать собеседника, прищуривая зоркие улыбчивые глаза, была высокая интеллигентность. Он никого не подавлял своим авторитетом, был ровен со всеми. Людей отличал не по рангам и должностям – по внутренним достоинствам.

Он был добрым другом и заботливым наставником для многих литераторов Дагестана. Он верил в молодых. Многим его нравственный облик, пример его твердости в убеждениях служил путеводной звездой. В нем была полная мера благожелательности и ни капли самомнения. В шестьдесят лет, окруженный почетом, награжденный высокими званиями, он мог сказать молодому поэту:

О юноша, сумевший вызвать смело

К стихам своим живейший интерес,
Мое перо состарилось, как тело,
Его ты зря возносишь до небес.

Не воздавай почета мне, не надо.
Я о былом, о прошлом вел рассказ.
И нынче дар мой гаснет, как лампада,
В которой масла кончился запас.

Хозяин оскудевшего амбара,
Я на хромом уже плетусь коне,
А твой – горяч, он моему не пара,
Скачи вперед и не завидуй мне.

(«Ответ молодому поэту». Перевод Я. Козловского)

Каким с первой встречи запомнился Гамзат, таким и представляется он мне на протяжении следующих лет. Он менялся мало. Старость его, казалось, обходила... Тяжело ударила его в пору Великой Отечественной войны потеря двух старших сыновей. Может, с этого времени и начали утекать его силы? Внешне это не сказывалось. Никогда он не был столь деятелен, как именно в те годы. Для того чтобы ближе быть к общественной жизни республики, он переехал в Махачкалу. П. Павленко вспоминал, как Цадаса, будучи в Москве, рассказывал ему и Н. Тихонову: «Работаю много... Иной раз по неделям с коня не слезаю. Тут нужна песня о смельчаках-детях аула, там – приветствие молодым, уходящим на фронт, или стихи о женщинах-труженицах, – и все

зовут, все торопят, и нельзя отказать, и надо ездить, и читать, и слушать, и видеть...»³. Он успевал все.

В 40–50-е годы поэтические «амбары» Цадасы были богаты, как никогда. Это было для него время напряженной общественной деятельности – депутат Верховного Совета, борец за мир. И время все длящегося творческого вдохновения, подвижнического и радостного труда в полном обладании мастерством.

Как одну из самых дорогих книг моей «кавказской» библиотеки я храню «Три поэмы» Цадасы с его надписью арабскими буквами: «...от старого автора Гамзата из Цада – небольшую книжку». Дата 1950 год. Последнее на русском языке прижизненное издание. И рядом – одновременно вышедший маленький сборник стихов Пушкина в переводах Цадасы, предмет творческой гордости поэта. Его я берегу не только потому, что и это – память: издание стало большой редкостью. Всякий раз, взяв сборник в руки, я дивлюсь ему, как чуду. Пушкин пришел в горскую саклю после Октября, и Гамзат не расставался с ним до конца дней.

Великое обогащение души принесла Цадасе русская литература! К тому, чем поэт владел с юности – народная песня, поэзия Востока, – она прибавила «Евгения Онегина», лермонтовских «Демона» и «Мцыри», басни Крылова, прозу Толстого, Чехова, Горького... Все это пришло к Цадасе уже в зрелые годы, и было тем значительней для него, чем

³ Павленко П. Дружба. – «Литературная газета», 1947. № 31.

глубже воспринималось.

На склоне лет Гамзат обнародовал переводы пушкинских шедевров: «Деревня», «Во глубине сибирских руд», «Памятник». Он перевел «Руслана и Людмилу». Разве не чудо, что наше время подарило ему счастье познания Пушкина, любви к Пушкину?! Это он о себе сказал:

– России светоч и отрада!
Сыны Кавказа тем горды,
Что им дано вкушать плоды
Густого пушкинского сада.

(«Пушкину». Перевод С. Липкина)

Родное и русское сплелись неразъединимо. Русское стало родным.

Именно в предвоенную и послевоенную пору Цадаса открыл для себя новые жанры: комедия и драма, басня, сказка для детей и, наконец, венчающая жизнь сюжетная поэма, в которой впервые во весь рост встал перед дагестанским читателем человек современности, герой трудового и ратного подвига. Не угас обличительный пафос, но изменились объекты сатиры Гамзата Цадасы. Теперь она была направлена против тунеядцев, хапуг, нравственной нечистоплотности. Изящней, тоньше, сложнее духовно зазвучала лирика Цадасы...

Трудно, да и вряд ли необходимо, перечислять все, написанное Гамзатом. Цадаса поднимался и рос вместе со своей

страной... Подобно неутомимому пахарю, Цадаса поднимал самые глубинные пласты жизни. Слово его и сегодня в общественной жизни Дагестана занимает особое место. Творчество его воплотило и выразило лучшие качества горского характера.

* * *

Как бы ни был значителен художник слова, творчество его непременно проходит беспощадное испытание временем. Выживает лишь высокое. К книгам мастера обращаются новые поколения читателей. Каждое прочитывает и принимает их по-своему. В 30-е годы превыше всего ставили сатиру Цадасы. В Великую Отечественную

сильнее воспринималась его патриотическая лирика и песни. Читатель 70-х годов оценит в поэзии Цадасы мудрость, нравственную чистоту, требовательность...

Остается, не меркнет эстетическая ценность, художественная красота стиха.

Шедеврами горской поэзии были и продолжают оставаться стихотворения Цадасы «Письмо семье из Москвы», «Застольная песня», «Уроки жизни», «Старость и болезнь», «Поэту Махмуду». Неувядаемо свежи дышащие любовью к жизни поэмы, сатиры, басни и сказки Гамзата Цадасы...

Человек редкостного таланта, неповторимого, как всякий истинный талант, Цадаса остался жить в памяти своего на-

рода. Создатель нового реалистического языка, новых литературных жанров, классик, чьи строки бытуют в пословицах. Живо благодарное воспоминание о его личности, о примере его жизни, ставшей как бы мерилom нравственной требовательности, душевного благородства, доброты и честности. Так было с Ованесом Туманяном в Армении, Дмитрием Гулиа в Абхазии, Кязимом Мечиевым в Балкарии. Так бывает только тогда, когда поэт истинно народен. Наверное, это высшая форма признания художника, самый прекрасный ему памятник.

Н. Капиева

Стихотворения

Муталимская песня

Аульчане, земляки,
В ночь, когда вы из муки
Приготовили хинкалы,
Что размерами не малы,
В ночь, когда вы животы
Довели до маяты,
Хоть бы каждому десяток
Вы яиц из-под хохлаток,
Хоть бы тоненький кусок
Сала каждому с вершок,
Хоть бы сыр по скромным мерам
С колесо арбы размером,
Хоть бы всем ишачьи уши,
Хоть бы малость бычьей туши
От хвоста и до рогов,
Хоть бы гору пирогов,
Да по кругу колбасы,
Да вина – смочить усы,
Да бузы по целой бочке,
Да по белой ханской дочке,
Под луной в краю родимом

Поднесли вы муталимам!⁴

⁴ Эта песня сложена поэтом в ту пору, когда он сам был муталимом. Она обрела в те годы широкую известность среди горской молодежи.

Стихи о харчевне

Что правда, то правда: люблю затею
Исполнит богач, ибо деньги в чести.
Пословицу знаем: легко богатею
Заставить цветы и на скалах цвести.

Взгляните-ка: те, кто набили карманы,
Внушив обездоленным зависть и страх,
Открыли гостиницы и рестораны,
Желая прославиться в наших горах.

Продать бы участок и домик мой древний,
Открыть бы лавчонку и бедность убить!
О, если б, назло богачам, для харчевни
Я мог бы немного грошей раздобыть!

Завистником стал я, признаюсь вам, братья,
С тех пор как харчевню завел Хаджияв.
Упорно богатством хочу обладать я,
На кухне его наслажденье познав.

С чего началось? На воротах лачуги
Увидел фанеру и надпись на ней:
«Есть деньги, приятель? Зайди на досуге, —
Большой интерес ожидает гостей».

«Ну, – думаю, – лес надо сплавить весной!»
Душа загорелась, как надпись прочел.
«Я чрево пожалую пищей мясною!»
С папахой под мышкой в харчевню вошел.

Ко мне подскочили слуга с кашеваром,
На камне щербатом велели мне сесть.
«Немного терпенья, – воскликнули
с жаром, —
У нас хорошо ты сумеешь поесть!»

Приносят мне суп – вы послушайте,
люди! —
Соленый, как море, холодный, как лед.
Без сахара чай в деревянной посуде
С поломанной ложкой слуга подает.

Покрытое пылью и плесенью тесто
Подкинули мне вместо хлеба на стол.
Отличная пища! Прекрасное место!
Не надо жалеть, что сюда я зашел!

Хозяин харчевни, да будь ты неладен,
Твой чай – это солью посыпанный мед!
А суп? До чего же твой суп непригляден,
Болотной водой от него отдает!

Навис потолок, словно своды пещеры.
Трепещешь: а вдруг на тебя упадут!

А стены из глины убоги и серы...
И это – порядок? И это – уют?

Откажется лошадь, сгорая от жажды,
От этого супа: в нем столько червей!
Прокисшего хлеба отведав однажды,
Заплачет осел о судьбине своей.

Пусть лучше в тюрьму меня бросит
чиновник,
Чем в этом хлеву мне пиры пировать,
Пусть лучше в меня злобный выстрелит
кровник,
Чем в этом хлеву мне чай распивать!

Как только я встал, подбежал ко мне сразу
Хозяин: «Скажи мне, хорош ли прием?»
«В глаза не хвалю, чтобы не было сглазу,
Но соли – обилие в супе твоём.

Я жил в городах, посещал я деревни,
Меня и на празднества звали не раз, —
Нигде я не видел подобной харчевни,
Нигде так живот не набил, как сейчас.

Мне чай подавали в стаканах стеклянных,
А ты, молодец, подаешь в деревянных.
В тарелке друзья подавали мне суп,
Ты – в глиняной кружке: не так ты уж глуп!

Бывает и мясо в тарелке, я знаю, —
Увы, позвонками твой суп знаменит!
Везде предлагали мне сахару к чаю, —
Ты думаешь: сладость мне вред причинит.

И правильно: разве на праздник пришли
мы?
Не любо – не ешь, возвращайся назад!
Не свадьбу же сын твой справляет
любимый, —
Кому не по нраву, пусть дома едят!»

Я выйти решил, но хозяин и слуги
Вскричали: «Плати нам за суп и за чай!»
Едва только двери открыл я в испуге —
Схватили за шиворот: «Деньги давай!»

Затылок тогда почесал я, признаться,
Хотя не чесалось в затылке ничуть.
С последней копейкой пришлось мне
расстаться...
Эх, брюхо вспороть бы и пищу вернуть!

Не денег мне жаль, – мне обидно и горько,
Что в горле застряла хозяйская корка;
Не злюсь я на бедность – давно к ней
привык, —
Мне жаль, что от супа – в ожогах язык!

К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

Дибир и хомяк

Жена говорит: «Мне обидно до боли, —
Хомяк обглодал наше скудное поле.
Как стал ты дибиром, прошел целый год,
А что ты имеешь?.. Погиб твой доход!»

Мой волос поднялся под старой папахой,
Но выйти на поле решил я без страха.
Схватился за палку, достал я кинжал,
На случай – хозяйство семье завещал.

Сказал я жене: «Жди большого события.
Хочу с хомяком в поединок вступить я.
Он мне надоел. Отплачу я с лихвой.
«Иль смерть, иль победа!» – мой клич боевой».

Пришел на участок – и стало мне больно.
Едва я взглянул, засвистел я невольно:
Ни зернышка не было, ни колоска —
Все стало добычей врага-хомяка.

Д и б и р

Меня аульчане избрали дибиром,
Меня почитать поклялись целым миром,

Тебя ли кормить обязался народ, —
Зачем же себе ты присвоил доход?

Не ты мусульман просвещаешь молитвой,
Зачем же ты срезал колосья, как бритвой?
Не ты с минарета вопил и орал, —
Зачем же посева мои ты пожрал?

Меня обобрал ты и справа и слева,
Как будто трудился во время посева.
Меня не жалея, урон мне нанес,
Как будто на поле таскал ты навоз.

Найдется управа на всякого вора.
Отныне с меня не возьмешь ты побора.
Ослу надоест непосильная кладь, —
Терпел я, но должен тебя наказать.

К тебе не однажды зывал я с тревогой:
«Я бедный аварец, меня ты не трогай».
Но знают кругом: не сношу я обид,
Я в гневе ужасен, я зол и сердит.

Грешить не хочу я, но, страшен злодею,
Поставлю капкан перед норкой твоею;
Чтоб знал ты, какой пред тобой человек,
Свяжу я твой рот, – не разинешь вовек.

Для слабых – булыжник, для сильных

ты – вата,
Но будет суровой с тобою расплата.
Для нищих – репье, для богатых ты – мед,
Но мести моей наступает черед.

Со мной повстречавшись, глядишь
забиякой,
А сам ты дрожишь перед каждой собакой.
Тебя не пугает моя нищета,
Но разум теряешь, завидев кота.

Х о м я к

«Законы судьбы никогда не осилим», —
Зачем же насильем ты споришь с насильем?
«Велениям творца покоряется мир», —
Зачем же на мир ты сердит, о дибир?

Пудами с людей собирая поборы,
Зачем же с судьбою желаешь ты ссоры?
Молитвы читаешь, Коран возлюбя,
Но злишься, едва лишь заденут тебя.

Народ, если станешь ты злиться, быть может,
Не только меня – и тебя уничтожит.
С тобою мы участь избрали одну, —
Зачем же свалил на меня ты вину?

Супруга твоя, рассердившись напрасно,

Серпом обожгла мою спину ужасно.
И ты перед норкой сидишь у межи,
Грозишь мне... но где твоя совесть, скажи?

Таким же, как ты, я родился животным,
Жующим и пьющим, совсем не бесплотным, —
Иль должен я с палкой, как нищий, ходить,
С младенцами в поисках пищи бродить?

Едва просыпаюсь в рассветной прохладе,
Кота нахожу перед норкой в засаде;
Когда же заката горит полоса,
Вокруг меня жадная ходит лиса.

Иной человек, как и ты, бессердечный,
Ловушку поставит, – я гибну, беспечный,
Иные с лопатой придут поутру,
Разграбят запасы, разрушат нору.

Иные нору заливают водою,
И тонут детишки, – знаком я с бедою!
Порою со всех закрывают сторон, —
Без выхода я голодать обречен.

О люди, как тяжело мне жить с вами рядом!
Даете мне ватные шарики с ядом,
Камнями и палками бьете меня, —
Ни разу не знал я спокойного дня.

Ты сам посуди: если б не был я нищим,
Избрал бы я эту землянку жилищем?
Я сплю на колючках, мне жить невтерпеж...
Дибир, ты мучений моих не поймешь!

На поле твоём я кормился пшеницей, —
Людей обобрав, ты получишь сторицей;
Не то я погибну в норе через год,
И новый дибир будет грабить народ.

Аулы, жаждущие воды

Гиничутль, и Батлаич,
И Цада – не из счастливых.
Нам воды напиться всласть
Не случилось никогда.

От аула до ключа —
Две версты, а то и боле.
Сами можете судить,
Какова у нас беда!

И хотя б струя текла
Щедро и без перебоев!
Да гляди – иссякнет вдруг, —
Вовсе мы без родника.

Наших жен во цвете лет
Убивают злые хвори.
Редко встретите у нас
Женщин старше сорока.

Жены, матери зимой
По воду бредут без жалоб.
Простужаются в горах.
Частый гость у них – плеврит.

Летом, как пойдут дожди, —
Бочки ставим мы под желоб,
Каждой каплей дорожа,
Той, что с крыши набежит.

Снег, валящийся с небес,
Собираем неустанно.
Снег – и тот у нас в цене.
Разве это не смешно?!

Труд нелегкий в Тляроге
Стал для нас мечтой желанной:
По реке сплавляют лес,
Там воды – полным-полно!..

Мы завидуем подчас
Морякам: и днем и ночью
Едут люди по воде,
Есть воды у них запас.

Мы же сказки создаем
О воде студеной, горной...
Но какая польза в том,
Если жажда мучит нас?!

Мы напиться не вольны,
Хоть живем в горах привольных.
С детства нам не повезло,
Горький жребий нам сужден.

Кто спасет нас от беды?!
Мы кричим: «Воды! Воды!»
Не тревожит никого
Жаждающей овечки стон...

К губернаторам с мольбой
Мы ходили не однажды. 2
Были лишь большевики
Нашей тронуты нуждой.

Столько жалобных бумаг
Слали мы, томясь от жажды!
Революция одна
Напоила нас водой.

По ущельям, по горам
Воду к нам пригнать в аулы
Ныне было решено,
И подписан план такой.

Навсегда ушли напасти.
С помощью народной власти
Сокрушая скал твердыни,
Мы по камням бьем киркой.

Радиомачта на сакле соседа

Что за шесты у соседа Хочбара?
Разве он шейх? Или все мы обмануты?
Нет у Гимбата к циркачеству дара,
Так почему же канаты натянуты?

Прямо направлены к небу, не так ли?
С кем же сосед мой решил разговаривать?
Иль на канате, висящем над саклей,
Славу танцора он хочет оспаривать?

Может быть, он телефон себе ставит?
Что же его мы не спросим, хозяева?
Может быть, он телеграф себе ставит?
Нет, в небеса вознеслись провода его.

Может, полна голова его вздору?
Может быть, думая: это – безделица,
Новую хочет он строить контору?
Впрочем, быть может, нужна ему мельница?

Или пред нами – невиданный провод,
Лампа берет от него электричество?
Или – найдется для этого повод —
Звезд пожелал он измерить количество?

Трудно Гимбата невеждой представить:
Там, на заводах, увидел он многое.
Техник его навестил неспроста ведь...
Лучше отбросим суждение строгое.

Вот и Гимбат появился с друзьями.
«Доброе утро! Быть может, откроешь ты —
Мы разобраться не в силах тут сами, —
Экое чудо над саклею строишь ты?»

«Э, кунаки, не мое это чудо,
Выдумка техники необычайная,
Чтобы стекались в Хунзах отовсюду
Новости непознаваемо-тайные».

«Шест да канат... Это даже обидно.
Не понимаем такого мы довода.
Что ты? Столбов на дороге не видно,
Как же придет телеграмма без провода?»

«Слушайте: музыкой слух оживится.
В дальней Москве заиграет гармоника
Или споет в Ленинграде певица, —
Голос дойдет до любого поклонника.

Тот, кто остался глупцом и невеждой,
Плюнет, назвав эту выдумку сказкою.
Тот, кто не смотрит на школы с надеждой,
Плюнет и прочь отойдет да с опаскою.

Между отставшим и дальше идущим
Взглядом нельзя охватить расстояния.
Вся революция дышит грядущим,
И обнажается дно мироздания.

Вы позабыли, как встарь отправлялись
Наши отцы в путешествие дальнее: 2
Долго по каменным тропам скитались,
Нет, не видал я картины печальнее.

Ныне в ауле, когда-то забытом,
Ставят над саклею звонкое радио.
Летчик вздымается к звездным орбитам,
Разум свой связью с вселенною радуя».

Речь старухи в день 8 марта

Милые дочери! Слово я взять хочу.
Славить сегодняшний добрый день хочу.
Ненарушимые – вольных людей права
Радостным женщинам нашей страны даны.

Юные и свободные внучки мои!
Что это значит – можете ли понять?
Новое по достоинству оценить?
Прошое и теперешнее оглядеть?

Встретил меня Магома давным-давно —
Три десятилетия с лишним прошли...
Белое и черное узнать довелось...
Что осталось неведомым? – Смерть одна.

Мне в ту пору исполнилось десять лет...
Выдали за хозяина баранты.
Ясно помнится – мой отец говорит:
«Он из рода хорошего, он богат».

Разве юношей мало у нас в роду?
Часто взглядами провожали меня.
Разве не было сверстников молодых?
Разве друга сердца не выбрать из них?

Был уже стар супруг нареченный мой,
Не подружилась его судьба с моей.
Всюду богатому привет и почет, —
Неимущая – разве пара ему?30

Если где-нибудь встречному улыбнусь —
Будь он родственник, – улыбаться нельзя!
Если по воду шла, он и то следил,
Всех и каждого заподозрить готов.

Если вышла я воздухом подышать,
Он терзал меня по ночам в тишине,
Он словами позорящими хлестал.
Люди добрые крепко спали кругом...

Если жаловаться бежала к отцу,
Тот кричал: «Ты – замужня! Хоть умри».
Соберешься ли с жалобами в Хунзах —
Прав останется, кто имеет стада.

Надрываясь, работала я, как мул, —
Не похвалит, не пожалеет старик.
Были тяжести не под силу ослу,
Что таскала я, только брань заслужив.

Оборвашкою он меня обзывал...
Разве бросишь приданое? Убежишь?..
Взял со временем он вторую жену, —
Вдвое стало мне тяжелее тогда.

В теплой комнате зимовали они —
Ветер хозяйничал в сарае моем,
Выше кровли у них поленница дров,
Мне и детям моим – саманный огонь.

Туши вяленые баранов у них —
Хоть бы косточку мне и детям моим!
Поедали чуреки мешками они —
Хоть лепешку мне и детям моим!

Чаю с сахаром сколько хочешь у них —
Слезы горькие с горьким хлебом у нас...
Как забиты и тощи дети мои, —
Он смеялся язвительно с той женой...

Сколько так провела я зимних ночей
С плачущими на соломе детьми!
Сколько так провела я долгих ночей,
К люльке сонную голову приклонив!

Он кунацких ко мне посылал коней —
Чистить, выходить их приказывал мне...
Он захожих ко мне отсылал бродяг,
В саклю чистую не пускал меня.

Привезут ли друзья корзины плодов, —
Шли корзины к нему, а ослы – ко мне.
Со свежинкой придут ли с гор пастухи, —

Значит, мясо – к нему, пастухи – ко мне.

Если сам приезжал откуда-нибудь, —
Поглядели бы, как подарки делил!
Поснимает хурджины с коня: «Бери!»
Но хурджины-то ей, а седло-то – мне.

Что, не нравится мне расседлать коня?
Добавлял охотно удар камчой.
Всякий раз привозил башмаки жене, —
Как была, босиком осталась я.

Сколько шелковых подарил ей платков!
Шею не во что мне закутать зимой...
Я служанкой бесплатной ему была,
Как служанку, выгнал меня наконец.

Он развода страшное слово сказал, —
Невозвратное при мулле произнес.
Я невестой приданое ему принесла, —
Мне он к старости ничего не вернул.

Понапрасну я жаловалась мулле.
Топорище, шутит, испачкал бычок.
Все я думала, как покончить с собой,
Смертью дикой, безумною умереть?

Вниз бы ринуться головой со скалы.
Да расколется ли еще голова?

Не железная ли она, говорю,
Сколько палок он об нее изломал!

Сколько палок он об меня обломал,
О согбенную спину мою, – спроси.
Не под бременем ноши согнулась я, —
Это сторбило бремя горя меня.

Рано волосы побелели мои, —
Думы тяжкие пали снегом на них...
Так прославим же тех, кто сбросил ярмо, —
Славен класс пролетариев – наш класс!

И да здравствует наш весенний день,
Женщины свободной страны!

Жалоба коров на пастуха Исмаила

О прискорбном этом деле
рассказать давно пора:
Пас чабан коровье стадо
здесь, в селении Буцра.
Говорят, что он и прежде
не один чабанил год,
О его повадках странных
с давних пор молва идет.

На лужайку для беседы
он пригнал нас всех подряд,
Поглядев недобрым взглядом,
важно начал свой доклад.
«Лучше прежде подеремся,
чем сутяжничать потом», —
Начал речь чабан. Жевали
жвачку молча мы кругом.

«Исмаил я по прозванию,
Магомед сын, муллы,
И во сне меня увидеть опасаются волы,
За пастьбу муки полпуда
каждый житель мне дает,
И считайте, что задаром
я пасу дурацкий скот!

Палку я припас на славу,
вот она, смотрите, тут.
Над ослушницей рогатой
совершу свой правый суд.
Если ты не оглянулась, поглядела свысока,
Так тебяогрею камнем,
чтоб запомнили бока.

Если есть средь вас корова,
что по дурусти шальной
Отлучается из стада в неурочный час домой,
То расправлюсь я с зазнайкой,
по делам я ей воздам —
Пусть березовая палка
шлет ей пламенный салам.

Горе той, что потихоньку
на чужой глядит посев.
Не прощу греха такого!
Не вводи меня во гнев!
Овод жжет – держись степенно.
А помчишься, хвост задрав,
На себя пеняй голубка: отхлещу и буду прав.

Обещаю вам, коровы: дружно с вами заживем.
Хлопать можете в копыта.
Я кончаю речь на том.
Все, я думаю, понятно.

Закрываю наш меджлис
И под чутким руководством
разрешаю вам пасть».

С той поры коров немало
в нашем стаде полегло:
Видно, это наставленье им ничуть не помогло.
Вот корова Гитинава, – пала замертво она,
Не усвоила, бедняга, поученья чабана.

Как-то в полдень захотелось
навестить ей дом родной,
И ослушница из стада так и ринулась домой.
Погоди! Не тут-то было!
Бешеного пса лютей,
Наш чабан, в поту и мыле,
две версты бежал за ней.

Долго мчались без дороги. Но у речки, там,
где мост,
Исмаил вдруг изловчился:
ухватил коровий хвост,
И в одно мгновенье ока
(задрожали все вокруг)
Он корове дал подножку, повалил ее на луг.

На нее он лихо прыгнул,
бил ногами без конца,
И корова трепыхалась, как несчастная овца.

И плясал он увлеченно час
и несколько минут:
Так умелые андийцы на продажу войлок мнут.

«Эй, рогатое созданье, жизнь тебе не дорога!
Разве ты меня не знаешь?» И ломал ее рога,
И бранил ее свирепо:
«Ты безмозглей всех коров!
Иль мою ты позабыла речь
у Девяти Холмов?!»

Вы теперь на нас взгляните:
нету большей срамоты,
Чем безрогие коровы, чем их куцые хвосты.
Искалеченное стадо умоляет вас, мыча:
«Ради бога, поскорее уберите палача!»

Если робко аульчанин спросит вдруг
у чабана:
«Не пришла домой корова, —
ты не знаешь, где она?»
Исмаил, не растерявшись,
хитровато подмигнет:
«Пред своим хвостом пасется —
безмятежно травку жрет».

Если есть у вас сомненья: дескать,
мы безбожно врем,
У Темировой коровы расспросите-ка о нем.

А Саидовой коровы не видать с недавних пор:
Пала бедная от крика. Все, окончил разговор.

О кинжале

Обращение к газете «Горец»

Я спрошу газету: что же
Ты вопрос не заостряла?
Почему у молодежи
До сих пор в ходу кинжалы?

Можешь быть ты смелой, дерзкой,
Ты повсюду успеваешь,
А отточенной железки
У парней не замечаешь.

То ударит по коленам,
То в живот упрется больно.
Суший дьявол тяжеленный, —
Пусть ржавеет он. Довольно!

Горец, кинь его на свалку,
Он совсем тебе не нужен.
Брось его, совсем не жалко
Это грязное оружие.

Лес рубить им несподручно.
Чем ходить с ненужной ношей,
Ты за эти деньги лучше

Подбери топор хороший.

Если резать им барана
Ты задумал для хинкала,
Нож достанешь из кармана —
Он удобнее кинжала.

Что кинжал таскать с собою?
Чтоб, как витязь, быть одетым?
Если парень с головою,
Для него не довод это.

Или прадеды обычай
Сохранять нам завещали,
Чтоб вражда была привычной,
Чтобы распри не стихали?

В час грозы шумят деревья,
Люди с ними в чем-то схожи, —
Расшумятся в буйном гнев
И стихают быстро тоже.

В гнев разум ходит кругом,
Ничего не знаю хуже —
Обнажать кинжал на друга...
Бросьте грязное оружие!

Он для нас холеры пуще.
Проклял я его недаром.

Сколько юношей цветущих
Сражены его ударом.

В злую выдуман годину
Он, оружие насилья,
Теми, кто стравлял невинных,
Чтоб самим остаться в силе.

Магома, послушай друга:
Сталь нужна не для кинжала.
Лемех выковать для плуга
Нам бы лучше надлежало.

Долото, топор железный,
Серп для зреющей пшеницы —
То, что нужно, что полезно,
Что в хозяйстве пригодится.

Что за «польза» от кинжала?
Ссора, взмах руки короткий,
И сидит злосчастный малый
За тюремную решеткой.

Или сам, облитый кровью,
Наземь рухнет от кинжала.
Пожалей жену, ей вдовья
Участь горькая досталась.

По «ошибке», из-за вздора

Был убит тобой товарищ,
Сожалей, казнь укором —
Жизнь ему ты не подаришь.

«Создает кинжал героя» —
Это глупости и бредни.
Если так себя настроишь,
Будешь неучем последним.

Воспитай в себе культуру
И характер благородный,
А кинжал, что носишь сдуру,
Брось скорей, как хлам негодный!

Если злобы в сердце нету,
Будешь жить с народом дружно,
А кинжал – поверь совету —
Нам таскать совсем не нужно.

Старая свадьба

Забываем мы адаты,
предрассудки прошлых лет;
Расскажу о прежних свадьбах,
про обряды старины.
Мне минувшего не жалко,
нам назад дороги нет,
Мы обычаи былые навсегда забыть должны.

* * *

У родителей в ауле подрастает сын-жених,
И богатая невеста на примете есть у них;
Говорят, что у соседа, словно роза,
дочь цветет,
И расчетливый родитель
в дом девицы свата шлет.

Но отец и мать невесты
не спешат давать ответ:
«Род наш знатен, и старейших
нужен нам сперва совет».
Говорит одна примета, что поездка удалась:

Видел сват, как незаметно
за кастрюлю мать взялась.

Сват уехал, а родные
в тот же вечер собрались:
Обсуждает предложенье
тайный родственный меджлис.
Женихов у дочки много,
кто же будет предпочтен:
Парень глупый, но богатый,
или бедный, что умен?

Наконец решили хором: «Нам
не нужен бедный зять,
И богатому, без спора, в жены
надо дочь отдать».
Жениху отец невесты объявляет приговор
И радушно приглашает в гости
всех его сестер.

Те обновки нацепили и, едва заря зажглась,
Едут в гости вдоль аула,
взяв в подарок медный таз.
Любопытствуя, на крыши забирается народ,
А невестины родные скопом стали у ворот.

«Заходите, дорогие, – им елейно говорят, —
Ешьте, пейте до отвала. Соблюдаем мы адат».
Все невестины подруги собираются потом,

Оробелую невесту в незнакомый вводят дом.

Два посланца к ней приходят
из бесчисленной родни,
И согласия у невесты добиваются они.
Как же тут не согласиться!
Отказаться страшно ей, —
Испугал ее до смерти
стук встревоженных костей

(Прежде сваты пришивали
к шубам кости и тряпье); 42
Если девушка согласна – осуждают все ее:
«Видно, замуж ей хотелось, —
говорит родня тогда, —
Согласилась слишком скоро —
у девицы нет стыда!»
И опять вздымают чаши, снова пир идет горой.
Весь аул приходит в гости, быстро все
опустошат.
Уничтожены запасы – соблюден зато адат.

* * *

А когда расцвел весной сад
под небом голубым,

То в аул отцу невесты прислан был с гонцом
калым:

Пестрый шелк на платье сестрам, шаль
с узорною каймой,
Гребешок, чулки, подвязки
и одеколон тройной,
Чтоб невестины родные источали аромат,
Чтобы люди говорили: соблюден во всем
адат.

В старину зазорным было даже вспомнить
про любовь...
Собирай, отец, невесту, ей приданое готовь
Попышней да побогаче, так велось
во все века...
Эта сложная задача тяжела для бедняка.
Что продать, и сам не знает, ходит, крутит
головой,

Свадьба в доме подметает все
железною метлой:
И кормилицу корову на базар продать
сведешь,
И жеребчика гнедого отдаешь за медный
грош.
Но зато, купив кувшины, их на полки ставят
в ряд,
Никому в них нужды нету – соблюден
во всем адат.

Много раз родитель едет тратить деньги
на базар,
Продавцы ему сбывают залежавшийся
товар.

На матрацы закупили полосатый красный тик,
На тазах, на блюдах медных жарко блещет
солнца лик.

Помнится, в Голотль, на свадьбу, как-то
прибыл я на зов, —
На стенах увидел тридцать одинаковых тазов;
С удивленьем пригляделся, – все они
с пробитым дном,
Но родители довольны: свято мы
адат блюдем.

Много было трат ненужных, ими славился
Хунзах.
Справив свадьбу по старинке, разорались люди
в прах.⁴⁴
Семьи эти перечислю, дай-ка счета мне,
сынок.
Выдал дочку, горемыка, а теперь —
проси кусок!

В старину седую память протянула снова
нить,
Наши древние обряды помогла мне
оживить:

В фазтон невеста села, кони быстро понесли,
Молодежь в нее кидает горсти снега и земли.
Ребятишки окружили жениха густой толпой,
Прсят выкуп за невесту – кубки с пьяною
бузой.

Входит в новый дом девица, ярко вспыхнули
огни,
Сам жених спешит навстречу, здесь знакомятся
они.

Светлый мед несут в сосуде, рот помажут ей
слегка,
Чтобы жизнь с постылым мужем показалась ей
сладка.

Пир на славу... За столами собирается аул.
По горам разносит эхо пенье, крики, пьяный
гул;
Пьяным море по колено, льется брага
по устам,
Поднял тост за новобрачных, захмелев,

Абдусалам.

Состязаться в остроловье стал с ним
Курбанил Али,
Оба что-то говорили, – мы понять их не могли.
От еды осоловевши, гости спят в чаду, устав,
Но недаром тамадою возглашен был Каралав;
Наполняет чаши снова, поднимает грозно рог;
Снова пьешь и снова пляшешь, хоть от буйства
изнемог.

А потом неделю болен, в голове туман
сплошной...
Чтоб поведать вам о прошлом, нужен летний
день большой,
Да и то не уложиться. Но скажу я об одном:
Мы обычаи былые выжигать должны огнем.
Над горами солнце встало, молодая жизнь
идет,
И старинные адаты забывает мой народ.

Обычаи гидатлинцев

Я бичевал обычаи дурные,
И в ссоре я ружья не заряжал,
Я с дикостью боролся, но впервые
Для этого хватаюсь за кинжал.

В Кахибе и Хунзахе, мне известно,
У девушек не спрашивал никто
Об их желаньях. Замуж шла невеста
Без всякого согласия на то.

Но я не вспомню, память будоража,
Чтобы в кругу моей большой родни
У сыновей не спрашивали даже,
Кого мечтают в жены взять они.

А вот в Гидатле молодых заочно
Сосватают за выпивкой, потом
В условный срок, за час до тьмы
полночной,
Пошлют невесту в незнакомый дом.

Она идет, она еще не знает,
Что ждет ее и, что судил ей рок.
Стучится тихо и переступает
Первые темный, чуждый ей порог.

И здесь ей слышен жирной пищи запах,
Той, что готовят для духовных лиц...
И вот уже она у мужа в лапах, —
Мне жаль ее, как жаль в неволе птиц.

Она в слезах, но разве виноват он?
Нет, в этом виноваты старики:
Он был по их обычаю сосватан,
Любви своей, быть может, вопреки.

Порой, адата темноте внимая,
Живут супруги долгие года,
Друг друга никогда не понимая,
В раздоре, словно пламя и вода.

Протокол

«Ну-ка разрешите мне
Слово взять в порядке справки:
Груз мы тащим на спине,
А ослы лежат на травке.

Как ослы, мы в гору кладь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.